

В 1998 году под научной редакцией автора настоящей заметки вышла скромная книжечка «Уроки родной словесности». Второй и последний выпуск этой книги был осуществлен в 2000 году. Еще тогда, в 1998 году, что совпало с моим возвращением из московской аспирантуры, было задумано издание сборника научных трудов студентов-филологов ДВГУ. Идея заключалась в том, чтобы каждый выпуск «Уроков родной словесности» посвящать памяти Юрия Викторовича Подлипчука, нашего преподавателя, нашего Учителя.

Первая книга «Уроков...» начиналась с предисловия, в котором, несмотря на то что прошло достаточно много времени, я сегодня не изменил бы ничего. Вот оно: «Юрий Викторович Подлипчук долгое время работал в Хабаровском государственном педагогическом институте на кафедре литературы. «Литературе нельзя учить. Литература на то, чтобы заставить думать», — постоянно говорил он. И все делал для этого. Давал толчок мысли, учил воспринимать литературу как неотъемлемую часть нашей жизни.

Он был прекрасным ученым и мудрым педагогом, хотя каких-либо ученых регалий не имел. Его сила заключалась в приобщении студентов к нравственному пафосу классики. Он никогда не жалел ни сил, ни времени для работы со студентами. Результатом такой деятельности были дипломные проекты, имеющие статус маленьких серьезных исследовательских работ. Писал и он сам...

Говорят, жить в памяти людей — значит, обрести бессмертие. Юрия Викторовича помнят. Вспоминают его с нежным чувством и глубоким почтением. Эта книга — лучшее тому доказательство. В каждой статье, включенной в сборник, просвечивает мысль Юрия Викторовича. В каждой работе ощущается дыхание любви к нему, к делу, которому он служил, часто забывая о себе. Книга называется «Уроки родной словесности» не случайно. Она отражает уроки, которые были усвоены в совместной работе с Учителем. Название книги символизирует духовную, интеллектуальную преемственность отцов и детей, учеников и учителей...»

Увы! Этой традиции, полной человеческого смысла и благодарности, не суждено было иметь продолжения.

---

* Пока поэма готовилась к публикации, в редакцию пришли письма — воспоминания учеников Юрия Викторовича о своем учителе. Мы с благодарностью их публикуем как некое послесловие к поэме.

Во-первых, только со временем, порядком повзрослев, понимаешь, что в области мысли, духовного деяния не бывает коллективного наследования. У Иисуса Христа было всего-то двенадцать учеников, хранивших и распространивших Его учение. Со временем, конечно, их стало больше. Да только пусть не подумают, что я сравниваю Ю. В. с Иисусом. Легко представить незавидную участь духовного и практического опыта талантливой личности. То, что перед памятью Ю. В. благоговейно, без оговорок признают его дар пока немногие, не такие уж многочисленные его последователи-энтузиасты — скорее, благо. Вот и на этот раз тихое и скромное благоговение одного из соратников и благодарных учеников Ю. В. перед Учителем сделали возможной подготовку к печати поэмы «Магеллановы облака», которая до сих пор была известна лишь в рукописи.

Во-вторых, за нравственным и интеллектуальным подъемом 1990 — начала 2000-х наступил период относительной плотской сытости, сопровождавшийся интеллектуальным обнищанием вузовского образования, окончательно «сломленного» бесконечной чередой придуманных жестоковейными чиновниками государственных образовательных стандартов. Номенклатурными предписаниями и инструкциями, а также переводом, в частности, литературы (подумать только!) в формат тестовых заданий, отнюдь не требующих чтения художественных произведений. Грустно сознавать, но ныне наиболее распространенная у ряда студентов-филологов книга — это «Произведения мировой литературы в кратком изложении». Трудно представить Ю. В. — в хорошем смысле фанатика литературы — в роли человека, имеющего дело с «живым трупом» литературного да и всего гуманитарного образования нашего времени.

Возможно, он бы и приспособился к новой ситуации, к не совсем благоприятным обстоятельствам своей профессиональной деятельности, но в его артистически исполненной песне под названием «литература» непременно (мне так кажется) появилось бы что-то заунывное, тоскливое. Ведь он действительно был большой личностью, заранее, подобно полководцам, обдумывал и планировал стратегию своего лекторского поведения. Он привык покорять (и покорял!) многолюдную аудиторию; с аудиторией, состоящей из десяти-пятнадцати человек, ему, кажется, было бы тосливо.

Но в Ю. В. было нечто такое, что сильно отличало его от записных полководцев, действующих строго по заранее продуманному плану. Вероятно, накопленный в прошлом артистический опыт в театре самостоятельности, о котором он всегда вспоминал с ностальгией, не прошел даром — Ю. В. охотно пользовался своими актерскими талантами. Он знал, о чем будет читать во время очередной лекции, но не знал, как будет читать, какой будет его первая фраза, а какой последняя. Он никогда не приходил к нам на занятия с готовыми словами, но, как мы догадывались, приходил с выстраданной, а потому глубоко укорененной в нем мыслью о литературном произведении. Мы не слышали от него обобщений вроде «таким образом...», «итак...». В своих лекциях он не ставил последнюю точку. Легко сказать...

Попробуйте передать свои мысли аудитории, не втискивая их в стандартные формулы, но передать так, будто они рождаются в сию минуту, в процессе, говорить так, будто это монолог-рассуждение, то, что именно в этот момент переживается и мыслится вами. Искусством оратора Ю. В. владел виртуозно, неподражаемо. Слова, которые он произносил, рождались в его сердце, а не на языке. Может быть, по этой причине нас, студентов, временами бросало то в жар, то в холод. В его речи было что-то гипнотизирующее, тревожащее. Говорил он медленно, но страстно, находился в постоянном движении (никогда не стоял за кафедрой). Нередко вплотную подходил к студентам, сидевшим в передних рядах. Бывало,

наклонится к кому-нибудь, дрожащему и без того от одного только его взгляда (как правило, к студентке; мальчиков на филфаке было совсем мало), с наигранной дерзостью, пристально посмотрит ему прямо в глаза, словно требуя немедленного ответа на свой риторически заданный вопрос. Было ощущение, что перед нами разыгрывался мини-спектакль в блестящем исполнении талантливого актера. И какое разнообразие интонаций! Умением интонировать свою речь Ю. В. владел как никто. Черта, сближающая его с древними ораторами. Помнится, однажды он так и сказал: «Я не лекции читаю, а прорекаю...» Да мы и не воспринимали его как обычного рядового преподавателя. Он был для многих из нас авторитетом, устами которого «глаголют», раскрываются тайны, сокрытые в великих книгах. Мы ему верили еще и потому, что он обладал такой способностью верного, чуткого прочтения текста, какой я не встречал никогда. Каждая лекция его была новостью — неизбежно приводила к смысловому сдвигу в нашем понимании писателя, творчество которого, казалось, мы знали и так неплохо.

Ю. В. не был способен уместиться в рамки официального формата профессии. Чтобы удержать интерес слушателей и было нескучно, кроме таланта надо иметь еще опыт или своего рода дидактическое умение, название которому — так сказать — ораторское лукавство, такая безобидная хитрость. Представьте стополтораста лиц, сидящих перед вами. Людей, разных по темпераменту, отличающихся друг от друга степенью выносливости; напряженно глядящих на вас. Цель лектора — до последней минуты держать эту массу под своей властью. И вот Ю. В. приходилось одновременно быть и ученым, и знающим свое дело педагогом, и оратором. Как только он замечал усталость студентов, как только видел, что их внимание утомлено, он тут же делал паузу: рассказывал какую-нибудь смешную историю, какой-нибудь литературный анекдот. А занимательные истории были его стихией. Внимание студентов, таким образом, освежалось, после чего он продолжал тему лекции.

Ю. В. природно был наделен талантом художника. Поэтому к своим лекциям он относился как к процессу творчества, созидания чего-то оригинального. А любое творчество, как известно, в определенной степени автопортрет. Он рассматривал свои лекции в аналогии с искусством, в котором, как в зеркале, отражается лик творца. Я до сих пор убежден, что пророческая интонация, присущая ораторской речи Ю. В., была способом создания, построения собственной личности или жизни. Это было видно во всем: и в том, что его, человека абсолютно свободного, редко заботило, в какую словесную форму следует облекать свои лекции, и в том, что слова как будто приходили к нему вместе с мыслью. И это неслучайная черта.

На занятия к студентам Ю. В. шел с удовольствием. От общения с ними получал наслаждение. Студенческая аудитория была тем местом, где он демонстрировал свой дар. Впрочем, дело не только в этом. Кажется, только в творческом контакте со студентами он жил настоящей жизнью. Во время лекций — это было заметно каждый раз — он находился в состоянии какого-то вдохновения. Так уж довелось, что в последние два-три года жизни Ю. В. я почти постоянно находился с ним рядом (мы работали с ним в паре), часто и подолгу бывал у него дома. Видел, в каком состоянии изнеможения он пребывал после каждого занятия (особенно лекций); но для него в его усталости было что-то сладостное. Иные прокладывают путь к памяти людей, идя ногами вперед. Но Ю. В. завоевал память о себе необычайной смелостью в суждениях о литературе, страстной любовью к ней; — чувство, которое он сумел передать многим своим слушателям. И еще — кротостью и беспомощностью в делах житейских.

«Ум — проклятье, если нету / Благородных побуждений», — писал Ю. В. в своей поэме «Магеллановы облака», известной мне еще в рукописи. Может, в той

же поэме найдется тот идеал, которому подражал Ю.В.? Здесь неоднократно упоминается герой, соединяющий начала и концы, выступающий в качестве метатекста (обрамляющего текста) сюжета на любовно-интимную тему. И действительно: «Что-то, может быть, нам подскажет / Образ-символ синьор Дон Кихот?»

Бывают времена, исторические периоды, когда кажется, что все остановилось, застыло; высокое низведено, а пошлость торжествует; зло не встречает наказания, а добродетель — поощрения; честь и бесчестие перепутаны; правда только то, что узаконено «верхами», а ложь то, что не согласуется с официальной версией, — вот в такую пору царству «живых трупов» бывает «нужен свой Дон Кихот». Кто-то в нем видит «жалкого глупца», кто-то «просто безумца», а он, не обращая внимания на возгласы толпы и даже зная, что может быть «печален финал», «бесславен конец» его, помнит, что он Человек («Но чтоб был Человек»): «Ни один Дон Кихот не знает / Почему в Бездорожье идет, / Когда ночью иль днем однажды / Неизвестное позовет». И еще: «Он знал», что «обречен»

*Уйти на скрещенье звездных дорог.
Он знал, что любая дорога конечна
И прав у него на бессмертие нет.
Он слышал, как плавно в оркестре Вселенной
Печальную пьесу играет кларнет.
Он знал, что как только тот смолкнет
И вступит небрежно и дерзко фагот,
Примчится к нему из Неведомой Дали
Герой его жизни — синьор Дон Кихот.*

Вряд ли можно согласиться с тем, что у героя поэмы, за которым стоит сам Ю. В., не было права на бессмертие. Дон Кихоты не умирают. Их удел — вечность. Тропинка-дорожка, по которой шел Ю. В., пока живы его последователи и ученики, не зарастет «травой забвенья». Поэма «Магеллановы облака» о неразделенной любви. Близко знакомые с ее автором догадываются о реальной основе сюжета, о том, как тяжело переживал Ю. В. свою трагическую любовь. Смело утверждать, что в этом пункте он не вполне давал себе отчет о своих подлинных чувствах. Вечной его возлюбленной, его прекрасной Дульсинеей неизменно оставалась русская литература. Пожизненной любовницей его была поэма «Слово о полку Игореве», с которой он наконец-то «бракосочетался», увы, — только после смерти; книжную полку учеников Ю. В. украшает прекрасно изданная (благодаря его сыну Виктору) книга об этом памятнике литературы.

Ю. В. был не просто преподавателем, а примером творца. Замыслив и осуществив материал своих лекций да и всю свою жизнь как художник-творец, он тем самым как бы победил смерть. По счастливому выражению Пришвина, «творчество — это страсть, умирающая в форме». В наследство нам Ю. В. оставил всего себя — как форму и способ человеческого бытия, как форму донкихотской преданности идеалам, как уникальную форму творчества, которую невозможно повторить. Благодаря всему этому он получил в награду думающих и не забывающих о нем студентов, получил учеников. Кажется, это и называется бессмертием. Чего же более?

